

ТАТЬЯНА РОБЕРТОВНА РУДИ

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Отдела древнерусской литературы
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
tatianarudi@mail.ru

ЕВГЕНИЙ GERMANOVICH ВОДОЛАЗКИН

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Отдела древнерусской литературы
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
evodolazkin@mail.ru

ИЗ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТОПИКИ: СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Литературная топка, один из наиболее значимых элементов средневековой поэтики, является важнейшей характеристикой памятников литературы Древней Руси. Статья посвящена проблемам исследования литературной топки на материале памятников старообрядческой книжности, в частности – сочинений выговской литературной школы. В работе рассматриваются отдельные агиографические формулы (*крепкий адамант, непоколебимый столп*) и традиционные мотивы монашеского жития (рождение героя от благочестивых родителей, тайный уход из дома, первоначальный отказ в постриге из-за юности отрока и др.). Материалом для исследования послужили сочинения Семена Денисова «Виноград Российский» и «История об отцах и страдальцах соловецких», жития Корнилия Выговского, Кирилла Сунарецкого, выговское Житие инока Епифания и другие сочинения старообрядческих авторов. Проведенное исследование показало, что в своем агиографическом творчестве выговские книжники опирались на систему традиционной житийной топки, развивая ее в соответствии с новыми художественными задачами.

Ключевые слова: древнерусская книжность, литературная топка, топос, мотив, канон, литературная формула, агиография, житие, старообрядчество, выговская литературная школа

Для цитирования: Руди Т. Р., Водолазкин Е. Г. Из истории литературной топки: старообрядческая традиция // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 6 (183). С. 92–99. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.377

ВВЕДЕНИЕ

Литературная топка – одна из наиболее значимых характеристик средневековых текстов, создававшихся (и воспринимавшихся) в системе нормативной поэтики (см.: [3: 218–219], [10: 236], [23] и др.). Основными свойствами топоса, как известно, являются устойчивость и повторяемость (ср.: [25: 262]). Вместе с тем топике, как и любому явлению культуры, свойственно развитие. Так, по мнению А. М. Панченко, «взгляд на искусство как на “эволюционирующую топку” (здесь и далее курсив наш. – Т. Р., Е. В.) прямо-таки завещан нам фольклором и древнерусской письменностью» [10: 236].

Целью настоящей работы является рассмотрение использования и развития элементов средневековой топки в старообрядческой книжной традиции, и в частности – в сочинениях выговской литературной школы, известной своим высоким риторическим мастерством (о литературном наследии выговцев см.: [13], [20], [21], [22]). Так, по замечанию Н. В. Поньрко, второй

выговский наставник Семен Денисов воспринимался современниками в первую очередь как проповедник и ритор:

«Несмотря на заслуги на поприще настоятельства, Семен Денисов» осознавался в старообрядческой среде как проповедник, ритор по преимуществу (ср. характеристику основателей монастыря в “Истории Выговской пустыни” Ивана Филиппова: “Даниил – золотое правило Христовы кротости, Петр – устава церковного бодрое око, Андрей – мудрости многоценное сокровище и Симеон – сладкоговещательная ластовица и немолчная богословия уста”») [12: 333].

Е. М. Юхименко отмечает, что и старший из братьев Денисовых, Андрей, как свидетельствует его Житие, составленное Андреем Борисовым, в 1718 году ездил в Киев для изучения риторики, где, по свидетельству Ивана Филиппова, «грамматическому и риторическому разуму учашеся и zelo извыче» (см.: [21, 1: 17], [19: 139]).

Рассмотрим отдельные элементы литературной топки, нашедшие отражение в старообрядческой книжной традиции и получившие в ней свое развитие.

Одним из наиболее ярких элементов средневековой поэтики является формула «твердого адаманта». Уходящая корнями в библейскую традицию (см.: Амос 7: 7–8), пришедшая на Русь из Византии¹, она активно используется в агиографических памятниках при описании твердости святого в вере или терпении (см. подробнее: [15]).

Слово *адамант* (от греч. ὁ ἄδαμας – сталь)² вошло в культурное сознание Древней Руси в своем позднем, переносном значении – как драгоценный камень, алмаз, обладающий исключительной твердостью, а потому не подверженный каким бы то ни было воздействиям³. Наиболее активно топоним *адаманта* присутствует в мартириях – житиях мучеников, принявших смерть за веру⁴. Назовем в качестве примера Житие Иоанна Казанского, пострадавшего за православную веру в татарском плену во времена Василия III ([9: 364])⁵.

В старообрядческой традиции формула «крепкого адаманта» получила активное развитие. Наиболее распространенный ее вариант читается в Житии первого насельника Выговской поморской пустыни Корнилия, созданном в начале XVIII века его учеником и келейником Пахомием. Повествуя об испытаниях, выпавших на долю подвижника, агиограф замечает:

«По многих же трудах и подвигов иночества своего, по многих гонениях и скорбях, бедах, и разграблениях, и досадах пребываше во всем непреклонен душею, яко *твердый адамант*» [1: 269–270].

Примечательно, что смысловой контекст, в который помещена здесь интересующая нас формула («пребываше во всем непреклонен душею»), соотносит ее с другим житийным топонимом, часто выступающим своеобразным стилистическим синонимом топонима *адаманта*, – формулой «непоколебимого столпа» (см. о нем: [16]). О том, что выговский агиограф был хорошо знаком с этим топонимом, свидетельствует тот факт, что он использовал его для характеристики четырех поборников старой веры – протопопа Аввакума, священника Лазаря, дьякона Феодора и инока Епифания, которых именует «крепкими столпами православия» [1: 232].

Вообще, следует отметить, что Пахомий был хорошо знаком с системой агиографической топики, о чем свидетельствует неоднократное использование им традиционных житийных топонимов. Так, мотив первоначального отказа в постриге (игумен монастыря, искушая святого, поначалу не соглашается постричь его, объясняя свой отказ молодостью отрока и/или тяжестью постнического жития)⁶ представлен здесь в устойчивых формулах лишь в первой его части, при этом соединен с иным сюжетным поворотом, определенным, по-видимому, реальным ходом событий: известный своими иноческими подвигами отец Капитон, к которому отрок Конон приходит с просьбой принять его «в сожительство

братии», направляет юношу в другой монастырь, ссылаясь на тяготы пустынной жизни в своей обители:

«Отец же Капитон глаголаше ему: “Чадо Конане, Бог да исполнит желание твое, якоже сам хочет. *Но понеже юн сый еси и не можеши zde трудов иночества понести, понеже место пусто есть и всякаго утешения кроме*, – но даю ти совет благ: да идиши в Корнилев монастырь Комельскаго, и тамо ты примут с любовью. И инок будеши, и угодна Богу и тебе полезная ко спасению души твоя устройши”» [1: 188–189].

Отметим, что литературная параллель этому варианту мотива имеет место в Житии Саввы Освященного: Евфимий Великий отказывается пришедшему к нему отроку в просьбе остаться, отослав его при этом в другой монастырь – к чернецу Феоктисту – и уверяя, что именно там ему предстоит «велику прияти пользу»⁷.

Среди других использованных в Житии Корнилия Выговского топонимов – так называемая «цитата вселения» из 131-го псалма, используемая при описании вселения подвижника в пустыню:

«Прииде же Корнилий на место сие, идеже ныне келлия его видится, нача строити келлию, и глагола: “*Се покой мой. В век века zde вселюся, яко Бог изволи*”» [1: 247]⁸ (ср.: Пс. 131: 14).

Упомянем также традиционный мотив монашеской аскезы – краткий сон сидя или стоя (не «на ребрах»). Этот топоним использован здесь дважды – сначала при описании жизни «богоподвижных» иноков, подвизавшихся в Велужских лесах под началом отца Капитона, известного своей суровой аскезой («И инии же *на ребрах не спяху, но седя или стоя мало сна приимаху*»); позднее тот же мотив в прямом лексическом выражении присутствует в рассказе о подвиге самого Корнилия:

«Паче же неспанием и поклонами земными себе томяще: *многа лета на ребрах не спяше, но седя или стоя мало сна приимаше*» [1: 190, 264].

Представлен в Житии Корнилия и мотив борьбы святого с бесами, являющийся обязательным топонимом житий преподобных. Одним из наиболее устойчивых его элементов является традиционная молитва, представляющая собой цитату (или ее фрагменты) из Псалтыри: «Да воскреснет Богъ, и расточатся врази Его...» (Пс. 67: 1–4), а также формула «без вести ихъ сотвори», являющиеся прямым отражением практики монашеских «запрещальных» молитв во отгнание бесов. В Житии Корнилия читаем:

«Глаголаше бо некогда, яко во юности, егда бяше блудная брань приходяше от беса, тогда постом и молитвою *без вести творяще*» [1: 263–264].

Примечательно, что, по наблюдениям исследователей, Житие Корнилия Выговского было использовано в качестве источника при составлении целого ряда старообрядческих сочинений, среди которых – жития Кирилла Сунарецкого, боярыни Морозовой, инока Епифания, а также «История Выговской пустыни» Ивана Филиппова (см.: [2], [6], [11]).

Но вернемся к топосу *твердого адаманта* и его бытованию в старообрядческой книжности. В Житии боярыни Морозовой он использован при описании голодных пыток мученицы за старую веру, завершившихся смертью подвижницы:

«И глагола ей монах, якоже повелено есть ему, еже увещати ю, поне мало покоритися. *Доблественный же адамант*, егда услыша таковая, позабы главою и воздохнув велми, глагола мужески: “Оле, глубокаго неразумия, о, великаго помрачения! Доколе ослепосте злобою? Доколе не возникните к свету благочестия?”» [7: 143].

Как видим, в данном случае традиционная формула несколько изменена: вместо обычного определения «крепкий» («твердый») использован эпитет «доблественный», который, как показывает житийная традиция, может использоваться в формуле в качестве замещающего синонима. Впрочем, он и сам является подвижным, поскольку имеет варианты. Так, в Похвальном слове князьям Федору, Давиду и Константину Ярославским читаем:

«...приступающыя ко всечестнѣй рацѣ и многоцѣлебнымъ мощемъ *твердаго и доблаго сего адаманта*, духовнымъ пивомъ напоившаго жаждущихъ души» (цит. по рукописи: РНБ, собр. ОЛДП, Ф. 1, л. 166об.–167).

Вообще, следует отметить, что в старообрядческих маририях топос *адаманта* получил не только самое широкое распространение, но и развитие. Так, Семен Денисов в «Истории об отцах и страдальцах соловецких» неоднократно использует его при описаниях приверженцев старой веры, причем сравнение с адамантом, в соответствии с традицией предшествующей агиографии, часто подкрепляется использованием родственного ему топоса *непоколебимого столпа*.

Повествуя о бесплодных попытках царя заставить соловецких сидельцев покориться его воле, выговский наставник заключает: «*Но тии тверди в древлецерковнѣмъ благочестию, яко адамантѣ, стояху, к преждеявленнымъ увѣтствованиемъ, яко столпи к вѣтру, обрѣтошася*» ([18: 50]). В заключительной же части памятника, содержащей похвалу несломленным страстотерпцам, принявшим мученическую смерть за старую веру, читаем:

«Похвалимъ и *крѣпкия церковныя адаманты*, блаженныя страстотерпцы похвалимъ, иже страстотерпческия подвиги страстотерпческимъ мужествомъ в страстотерпчествѣмъ страдании предивнѣ понесшыя и страстотерпческую многотомления смерть за истину всежелателно избравшыя...» [18: 100–101]⁹.

Иногда топос *адаманта* может использоваться в «Истории» не только в похвальных, но и в собственно повествовательных пассажах, сохраняя при этом свое смысловое наполнение. Так, описывая не предавшиеся тлению тела убиенных соловецких страдальцев, Семен Денисов использует топос *адаманта* применительно ко льду, на котором эти тела долгое время лежали (не

подаваясь физическим законам, лед не тает под солнечными лучами), переводя его тем самым из области символической в условно «реальную»:

«А иже на губѣ морстѣй ледъ, на немъ же отеческая тѣлеса лежаху, не истаяваше и не растлѣвашеся, *но недвижимъ* от толикаго солнца теплоты, от тако зѣлнаго вара распаления, *яко камень крѣпкий, яко адамантъ, нерушимый являяся, твердъ и непоколебимъ стояше*, преестественнымъ знамениемъ симъ, самую чудесе вещь благочестивое страдание отецъ и святосте тѣлесе лежащихъ паче трубы всѣмъ проповѣдая...» [18: 77].

Однако и в этом случае скрытая символика образа *адаманта* оказывается в дальнейшем реализована напрямую – после сравнения с «камнем крѣпким» нерастаявшего льда автор сравнивает с ним (со льдом) лежавшие на нем тела мучеников, также не поддавшиеся разрушению:

«И не токмо ледъ, иже под тѣлеса святыхъ посланный, толико крѣпокъ, толико твердъ обрѣтесе, но и самая блаженная страдалецъ тѣлеса, яже на губѣ морстѣй лежащая, яже на столпѣхъ различно висящая, яже на земли острова казенно поверженная, въ таковыя весенныя дни и в тако жарчайшая солнцепечения ничтоже естественныхъ показаша, ниже согнтия, ниже ропы, ниже вони смрадныя, сообычныя мертвымъ тѣлесе, излияша, но вышеестественнымъ благодати содержаниемъ, яко живыхъ или спящихъ, тѣлеса тако лежаху, яко цвѣтъ на поляхъ, яко кринь во удолѣхъ, тако цвѣтаху и благоукрашахуся» [18: 77–78].

В другом сочинении, посвященном страдальцам за старую веру, «Винограде Российском», Семен Денисов также неоднократно обращается к топосу *адаманта* (как правило, в сценах истязаний), причем использует различные его варианты.

Повествуя об отце Вавиле (глава 21-я), который, по свидетельству автора, «бѣше <...> рода иноземческа, вѣры люторския», Семен Денисов так описывает его переход в православие: «...от свѣтскаго бываетъ инокъ, от мирожителя пустынножитель, от гордящагося и сластолюбца смиренъ, воздержникъ и *терпѣния всекрасный адамантъ показася*» [4: 48]. Отметим, что эпитет «всекрасный», которым здесь наделяет адамант, является одним из самых активно употребляемых Семеном Денисовым (ср.: «Бѣше убо *всекрасный* Вавила рода иноземческа...» [4: 47 об.]; «...ибо красныя страдания подвигъ за *всекрасныя* отеческия законы красно совершити возусердствова» [4: 109об.] и др.). Завершая рассказ о страдальце, после долгих пыток принявшем смерть в «срубопалении», автор, сравнив его с драгоценным камнем *анфраком*¹⁰, восклицает: «...душу несодолѣнну, сердце непобѣжденно, умъ неподвижимъ въ страдании *адамантски* показа!» [4: 50].

В главе 53-й («О Маркѣ Олончанинѣ») топос *адаманта* также использован дважды: воздавая хвалу твердости и терпению мученика, автор характеризует его как «*адамантъ къ терпѣнию многоцѣнный*» [4: 86]. Во втором случае читается

формула «адамантового сердца», синонимичная формуле «адамантовой души», также имевшей хождение в русской агиографической традиции¹¹: «...страстотерпец многое мужество, и преславно великодушие, и *крѣпко адамантиское сердце изъяви*» [4: 86 об.]. Интересно отметить, что в западной средневековой традиции формула «сердца из диаманта» имеет в большинстве случаев резко отрицательное наполнение: такую характеристику получают почти исключительно грешники, не способные раскаяться и смягчить свои окаменевшие сердца перед словом истины (см. об этом: [24]). Средневековая русская книжность, за редкими исключениями, не знает такой интерпретации образа *адаманта*¹².

Глава 68-я, посвященная писарю Иоанну Красулину, содержит довольно частое в агиографической традиции совмещение топонимов *столпа* и *адаманта*, которые взаимодополняют друг друга:

«...ибо страдалецъ къ скорбемъ и напастемъ *яко столпъ*, къ томлениямъ и мукамъ *яко многоцѣнный адаманти камень*, къ ранамъ и язвамъ *яко всекрѣпкое накавално* и бѣше, и познавашеся» [4: 111].

Традиционную художественную парадигму символов терпения – *столпа* и *адаманта* – автор распространяет здесь образом «всекрепкой наковальни», который он неоднократно использовал и в других случаях (ср.: «Но понеже *крѣпокъ бѣше* и *твердъ страдалецъ, адаманти къ терпѣнию многоцѣнный* и *накавално къ бие нию неврѣдное* познавашеся...») [4: 86–86 об.]. Отметим, что мотив наковальни как символа терпения был известен уже в византийской традиции. Так, в переводном Мучении Ирины читаем: «*Азь великая наковальня*, а нуже разбивашеся всяка душа *грѣшныхъ*»¹³.

Примечательно, что в главе «О Маркѣ Олончанинѣ» после цитированных нами ранее фрагментов, содержащих топоним *адаманта*, также присутствует топоним *непоколебимого столпа*, являющийся его смысловым эквивалентом:

«Видяше мучашии, *яко не могоша крѣпкаго ослабити, непобѣдиимаго страдалца побѣдити* ниже ласканьи, ниже толикиими многоплетенными муками, *яже жестоко нанесоша, но твердаго столпа поколебати не возмогоша*» [4: 87].

Обращает на себя внимание, что Семен Денисов в данном случае традиционный для *адаманта* эпитет «твердый» относит к *столпу*, – что еще раз подтверждает взаимозаменяемость этих топонимов. Это положение подтверждается наличием в житийной традиции и обратного варианта мены: в Житии митрополита Филиппа традиционный для *столпа* эпитет – «непоколебимый» – отнесен к *адаманту*: «*Он же, яко адаманти непоколебим, пребываше...*» [8: 278–279]. Известный соловецкий книжник Сергей Шелонин, использовавший этот текст для создания своего «Слова на перенесение мощей митрополита Филиппа», вернул *адаманту* его традиционный

эпитет «твердый», сохранив при этом и идею *непоколебимости* сравниваемого с ним подвижника: «Видя же царь *твердаго адаманта терпѣние* и *непоколебимо течение*, <...> заточением осуждает его в монастырь...» [17: 413].

В заключительной главе «Винограда Российского», содержащей Житие мученика Мемнона (Глава 74: «Повѣсть о житии, подвижѣхъ и страдании раба Божия Мемнона, пострадавшего за древлецерковное благочестие и сожженного на Холмогорахъ въ лѣто 7206»), мотив *адаманта* реализован в сложном варианте, представляющем собой своеобразное «удвоение топоса». Описав гнев и ярость неких архимандритов и приказных судей Патриаршего приказа, пытавшихся заставить героя Жития отречься от «двоперстного сложения», автор заключает:

«...некроткое оно соборище, много томившее исповѣдника кроткаго, от благочестиваго исповѣдания отлучити не могоша, не къ трости бо колеблемой, но къ *адамантову желѣзу приравнишеша бяху*, тѣмже не побѣдиша, но побѣждени *от крѣпкаго адаманта обрѣтошася*» [4: 123].

Как видим, Семен Денисов не только использовал в своем тексте традиционную житийную формулу «крепкого адаманта», но и усилил ее авторским словосочетанием «адамантово желѣзо», несущим многоуровневую художественную нагрузку: во-первых, оно содержит в себе «удвоение» (а следовательно, усиление) образа (*адаманти* – греч. *сталь*), во-вторых, подразумевает внутреннюю ассоциацию с известным средневековым представлением о том, что *адаманти* не подвергается воздействию железа¹⁴, а кроме того – выстраивает контрапунктную связь с читающимся в следующей фразе сообщением о том, что Мемнон был закован его врагами в «тяжкие желѣзы»: «Чесо ради неправедный на праведнаго судъ изнесоша, *желѣзы тяжкими оковаша неповиннаго* и въ темное мѣсто затвориша небесныя почести достойнаго» [4: 123–123 об.]. Еще одна скрытая параллель – с *непоколебимым столпом* – выстраивается автором с помощью отрицательного сравнения: герой оказывается непобедим, будучи «*крѣпким адамантом*», а не «*колеблемой тростью*».

Топика *адаманта*, широко представленная и активно развитая в сочинениях Семена Денисова, использовалась и в позднейших сочинениях старообрядческих авторов. Так, в Житии основателя и строителя Виданской пустыни Кирилла Сунарецкого (Сунского, Виданского), созданном на Выгу в 30-е годы XVIII века, этот топоним представлен неоднократно. Впервые он присутствует в главе «О брани диавольстей на блаженнаго Кирилла» – в традиционной сцене борьбы подвижника с бесами:

«Многажды бо великия клопоты и звуки творяше, и шума ужасомъ тѣшася *поколебати терпѣливую*

душо, и всяко покушашеся от мѣста его отгнати, но *адамантово Кириллово сердце* ни огнемъ рвенія дьяволя таяше, ни стыдѣнню ярости его разсѣдашеся, но *пребываше непоколебимо*¹⁵.

Как видим, и здесь, в соответствии с житийной традицией, мотив *адаманта* сопряжен – пусть и не прямо – с топикой *непоколебимого столпа*: бесы безуспешно пытаются «поколебати терпѣливую душу» подвижника, но сердце его, не поддавшись дьявольской брани, «*пребываше непоколебимо*».

В другом случае, вспоминая о самоотверженной обороне Соловецкой обители и мученической гибели ее защитников (глава «О избѣжании Кирилловѣ от обители его пришествія ради гонителей»), автор использует формулу «крепкого адаманта» в ее классическом выражении:

«И на то вси со многаго времени с общего совѣту самоволно преуготовяся и заѣршеса, и вси за древльцерковное благочестіе разными муками и смертию скончашася, яко *крѣпкіи адаманти*»¹⁶.

Отметим, что выговское Житие инока Епифания, составляющее с Житием Кирилла Сунарецкого своеобразный диптих (см.: [11: 168–169]), в изложении того же трагического эпизода также использует топос *адаманта*:

«Но соловецкіи отцы яко *адаманти в древльцерковном благочестіи крѣпко стояще*, никакоже ни в чемъ не ослабляюще, отсылающе их бездѣльных»¹⁷.

В главке «О брани Кириловѣ с помыслы» агиограф сунарецкого подвижника использует особый вариант топоса *адаманта*, известный, в частности, в гимнографии:

«Старець же плакашеся о семь, и каеся Богу, и молитвою на помысль вооружися, ибо в непрестанных молитвах, *яко адаманти во твари*¹⁸, красяшеся, днемъ и ношью Господеви моляшеся присно и просяще помощи на нападающаго на нь врага»¹⁹.

Вариант той же формулы, расширенной традиционным эпитетом «крепкий», читается, например, в кондаке святителю Феодору, архиепископу Ростовскому:

«В молитвах Господеви предстая, *якоже крепкий адаманти во твари*, по вся дни и ноши пред лицем Божиим светяся молитвами, ихже ради трудов Незаходимаго Света сподобився, но, яко имея дерзновение к рождемуся от Святыя Девы Христу Богу нашему, Егоже моли непрестанно о всех нас»²⁰.

Вообще, следует сказать, что авторы выговских житий Кирилла Сунарецкого и инока Епифания²¹, как и большинство старообрядческих книжников, подчеркнута ориентировавшихся на традиции средневекового канона (см., например: [5]), активно и умело используют агиографическую топику. В обоих памятниках присутствуют как элементы авторской топики (в частности, мотивы самоуничужения и «неискусности») ²², так и основные мотивы и сюжеты похвального жития.

Так, Житие Кирилла Сунарецкого, построенное по традиционной житийной схеме²³, включает в себя обязательные агиографические топосы: рождение будущего подвижника от благочестивых родителей, отказ от детских игр, обучение грамоте, насильственное – по воле родителей – «сопряжение брака», тайный уход из дома, приход в монастырь и пострижение во иноческий образ, борьба с бесами и т. д. Следует отметить при этом, что агиограф не только использует традиционную схему иноческого жития, но и умело реализует его основные мотивы с применением устойчивых формул. Так, описывая тайный уход Карпа (мирское имя Кирилла) из родительского дома, автор использует мотив «святой ничего не берет с собой» (см. о нем: [14: 441–444]) в его наиболее распространенной форме – герой берет с собой лишь немного хлеба и одежду, в которой всегда ходил:

«И не по мнозѣ времени во едину от ношей, всѣмъ домашнимъ его и супругѣ в глубокий сонъ сведеннымъ бывшимъ, той же, встав скоро, *взя с собою мало хлѣба и ризу, юже всегда носаше*, изыде тайно из дому своего...»²⁴.

Примечательно, что, обращаясь к житийной топики, агиограф нередко развивает традиционные мотивы, усложняя их психологическим обоснованием. Так, в главке «О пострижении во иноческий образъ» он не просто использует мотив первоначального отказа отроку в постриге из-за его юности (см. о нем: [14: 447–452]), но распространяет его в соответствии с конкретной ситуацией:

«И глаголаху ему: “Чадю любезное, тѣсноту сея пустыни непроходимыя видиши и сущія в ней тяжкия труды уже искусилъ еси, иночества же иго како носить братія, можеша разумѣти. Ты же, юнь сый, того ради не можеша подвига сего терпѣти. К тому же еще и родителей имаши, болящихъ о тебѣ, и сожителницу с чадомъ, плачущихъ отшествія твоего ради. Негли нѣкогда и твоя мысль воспалится к любви ихъ, и восхошеши возвратитися к нимъ паки, и тогда послѣдняя твоя презрѣнню и посмѣянню достойна будутъ”»²⁵.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как известно, выговская литературная школа, это наиболее яркое явление старообрядческой книжности, в своем «словесном искусстве» ориентировалась на принципы поэтики рубежа XVII–XVIII веков – витийство, риторичность и философию, – стараясь «обратить достижения “внешней” мудрости на пользу старой вере» (см.: [21, 1: 16]). Проведенное исследование показало, что в своем агиографическом творчестве выговские книжники опирались на систему традиционной житийной топики, развивая ее в соответствии с новыми художественными задачами.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ОЛДП – Общество любителей древней письменности.
РНБ – Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург).

ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См., например, в «Слове похвальном Онуфрию Великому»: «Все снидемся, князи и бояре, и церковницы, <...> все совокупльшеся на память преподобнаго, и велелѣпнаго, и достохвалнаго, и чуднаго, поистинѣ в преподобных изыскаго оружника Онуфрия Великаго, и празднственная воспоемъ *крѣпкому аманту*, да мзду равну воспримете от Господа Бога и Его преподобнаго угодника великаго Онуфрия!» (цит. по ркп.: РНБ, собр. ОЛДП, Q. 460, л. 34об.–35).
- ² Греч. ὁ ἀδάμας происходит от ἀδάω – «осиливать», «укрощать», отрицательная приставка а- придает лексеме обратное значение – «неодолимый», «неукротимый». См.: Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. М., 1899. Изд. 5-е (репринт: М., 1991). Стб. 17. Об аманте (в западной традиции – диаманте) см. также: Греческо-русский словарь, изданный Киевским Отделением Общества классической филологии и педагогики / Обработал А. О. Поспишил. 2-е изд. Киев, 1890. С. 12; Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 1. С. 21–22; Wright R. V., Chadbourne R. L. Crystals, gems & minerals of the Bible. The Lore and Mystery of the Minerals and Jewels of Scripture, from Adamant to Zircon. New Canaan, Connecticut, 1988. P. 1–3, 54–57; Der Diamant: Mythos, Magie und Wirklichkeit / Chefredaktion Robert Maillard. Paris, München, London, Amsterdam, New York; Erlangen, 1991; и др.
- ³ Алмаз является самым твердым природным веществом. См. об этом: Алмаз: Справочник / Авторы Д. В. Федосеев, Н. В. Новиков, А. С. Вишневецкий, И. Г. Теремецкая; Отв. ред. Н. В. Новиков. Киев, 1981. С. 49; Рид П. Дж. Геммологический словарь. Л., 1986. С. 14.
- ⁴ Другой важнейший его вариант используется по преимуществу в житиях преподобных; см. об этом: [14: 485].
- ⁵ В качестве других примеров использования топоса *адманта* в различных его вариантах назовем жизнеописание преподобномученика Галактиона Вологодского, замученного в 1612 году при разгроме Вологды польско-литовскими отрядами (см.: РНБ, F.XVII.16, л. 684об.), и Житие митрополита Филиппа – московского святителя, не сломившегося в противостоянии царю-тирану и принявшего за это мученическую кончину (см.: [8: 278–279]). Топос *адманта* активно использовался и гимнографами. Упомянем здесь Канон литовским мученикам Антонию, Иоанну и Евстафию, пострадавшим в 1347 году в Вильне при дворе князя Ольгерда (см.: Минея. Апрель. М., 2002. Т. 1. С. 267, 268).
- ⁶ См. жития Феодосия Печерского, Антония Римлянина, Евфросинии Суздальской, Антония Сийского, Феодосия Сийского, Григория Пельшемского, Сергия Радонежского, Герасима Болдинского и др.
- ⁷ Ср.: «Чадо, не мню достоини ти быти, уну ти и еще сущу в Лаврѣ прѣбывати, – ни бо лаврѣ польза приносить, еже уноши имѣти, ни уноше лѣпо посрѣдѣ быти отечь. *Нѣ паче иди, сыну, къ долѣшнему манастырю, къ черньцю Феокситу (sic!), и зѣло имаше велику прѣяти пользу*» (цит. по: Помяловский И. В. Житие св. Саввы Освященного, составленное св. Кириллом Скифопольским, в древнерусском переводе. СПб., 1890. С. 33 (ОЛДП. № 96)). Наличие этой параллели, однако, – вне зависимости от того, была ли она известна автору Жития Корнилия, – не может рассматриваться как аргумент, ставящий под сомнение (или подтверждающий) достоверность описываемых в Житии событий, поскольку она является фактом иной – литературной – реальности. Можно лишь предположить, что этот эпизод мог послужить литературной моделью иноку Пахомию при описании сходного сюжета, объединяющего жития Корнилия и великого Саввы.
- ⁸ В цитате сохранена присущая изданию разбивка текста на фразы.
- ⁹ Цитированной фразе предшествует фрагмент, также содержащий, среди прочих формул, топос столпа: «Возрадуемся же и возвеселимся <...> и веселящеся, благодаримъ Господа Бога, несказаннаго в милосердии и несуднаго, благодаримъ таковыя своя угодники, истины свѣтилники, *всесвѣтлыя спасения столпы*, преподобныя чудотворцы нам показавшаго» (с. 100).
- ¹⁰ Анфракс (или антракс; от греч. ἄνθραξ – уголь) – карбункул (см.: Библейская энциклопедия / Труд и издание архимандрита Никифора. М., 1891 (репринт: М., 1990). С. 52) или рубин (см.: Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 1. С. 41). Ср.: «Карбункуль (карѣбукуль), м. Огненно-красный драгоценный камень (гранат, рубин; шпинель)» (Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1980. Вып. 7. С. 77). Анфракс неоднократно упоминается в Библии, см.: Тов. 13: 17; Исх. 28: 18, 39: 11; Иез. 28: 13.
- ¹¹ См., например, в Житии Иоанна Нового Белгородского, созданном в начале XV века Григорием Цамблаком: «Он же молитву шептаниемъ устен знаменоваше, да яко и воини изнемогше, биюще *адмантеския оны душа уды*» (цит. по ркп.: РНБ, собр. ОЛДП, F. 1, л. 83).
- ¹² В русской средневековой книжности нам известен лишь один случай подобного толкования – своего рода исключение, подтверждающее правило. Речь идет о «Слове в неделю 27-ю», представляющем собой проповедь на евангельское чтение Лк. 13: 10–17 (зачало 71), которое традиционно приписывалось в научной литературе перу Дмитрия Ростовского. В интерпретации автора памятника, ориентировавшегося на латинские (и шире – западные) образцы, образ *сердца из адманта* (диаманта) абсолютно идентичен образу «окамененного сердца», глубоко укорененному в библейской и святоотеческой традициях и имеющему исключительно отрицательные коннотации (см. об этом: [15: 21–26]).
- ¹³ Цит. по: Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон; Под ред. С. И. Коткова. М., 1971. С. 142.
- ¹⁴ См., например, в статье «Физиолога» «О камени адмантине»: «Есть другое естество андамантину камени: *тако ни железа ся боить*, ни воня дымьныя приемлетъ. Да аще в дому обрящеться, ни демонъ ту видеть»; цит. по: Физиолог / Изд. подгот. Е. И. Ванеева. СПб., 1996. С. 38 (Литературные памятники).
- ¹⁵ Цит. по: Руди Т. Р. Житие Кирилла Сунарецкого (публикация текста) // ТОДРЛ. СПб., 2016. Т. 64. С. 465.
- ¹⁶ Руди Т. Р. Житие Кирилла Сунарецкого (публикация текста). С. 485.
- ¹⁷ Цит. по: Руди Т. Р. Выговское Житие инока Епифания (публикация текста) // ТОДРЛ. СПб., 2017. Т. 65. С. 522. См. также другие варианты использования топоса *адманта* в Житии Епифания: «И на пути всѣми сокровищи нужды, досады и безчестий преславно избобилствуя и присно окружаемъ, *яко всекрѣпкий адмантъ, дражайший камень, показуется, сладостно вся находящая подымаше напасти*» (с. 526); «Похвалимъ *крѣпкия церковныя адманты*, блаженныя страсто-терпцы!» (с. 539).
- ¹⁸ То есть в украшении. См.: Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. М., 1989 (репринтное издание). Т. 3, ч. 2. Стб. 1303–1304.
- ¹⁹ Руди Т. Р. Житие Кирилла Сунарецкого (публикация текста). С. 489–490.
- ²⁰ Минея. Ноябрь. М., 2002. Т. 2. С. 496.
- ²¹ Известно, что выговская литературная школа, практиковавшая принципы коллективного творчества, предполагала многоэтапную совместную работу автора и редактора, попеременно работавших над текстом. См. об этом: [11: 168].

- ²² См. в Житии Кирилла: «...но возбраняеть недостоинство мое и грубость, понеже имѣя разумъ несовершенство и всякого невѣжества исполненъ, не учень грамматическаго и риторическаго разума и ни единого дѣла стяжахъ ко исправлению. И свою немощь смотря недостижну и великому исправлению онаго старца взирая, аки безгласенъ и бездѣленъ, въ недоумѣнии и ужаси бывъ, не обрѣтая словесъ потребныхъ, подобныхъ дѣянию его, како могу азъ, бѣднѣй, в нынѣшнее послѣднее время такого отца житие списати, и неисчетныя труды его сказати, и дѣяния того и подвиги послушателемъ слышанна вся сотворити? Немощно есть малой лодейцы велико и тяжело бремя налагаемо понести, сице и превосходить нашу немощь и умъ подлежащая бесѣда» (цит. по: Руди Т. Р. Житие Кирилла Сунарецкаго (публикация текста). С. 450); ср. в Житии Епифания: «Преплыти хошу великую пучину похваль того терпѣния, – боюся, яко неискусенъ. Восприяхъ трость к начинанию повѣсти – и паки помѣтахъ: трепетна ми десница, яко скверна сущи и недостойна начертанию повѣсти. И паки, восприемля трость, устремляюся повѣсти. Аще и помраченъ разумъ имѣю, но на молитвы надѣяся, и повѣсти началу касаюся. Что же реку, и что возлаголу, и како началу слова коснуся, разума ницетою обѣяту ми сущу? Ниже риторики навѣкъ, ни философии когда учихся, ниже паки софистику прочетшу, не наказан и не учень всего книжнаго учения! И во училищахъ не бѣхъ, всего невѣжества исполненъ емь, и писати добръ слова не вѣмъ – како ли смѣю дерзнути таковой дивной повѣсти касатися...» (цит. по: Руди Т. Р. Выговское Житие инока Епифания (публикация текста). С. 496).
- ²³ Текст памятника разделен на традиционные тематические главы: «О отечествѣ и о родителяхъ блаженнаго», «О рожденіи блаженнаго», «О наученіи грамотѣ», «О сопряженіи брака» и т. д. (см.: Руди Т. Р. Житие Кирилла Сунарецкаго (публикация текста). С. 450–500).
- ²⁴ Руди Т. Р. Житие Кирилла Сунарецкаго (публикация текста). С. 456.
- ²⁵ Там же. С. 459. Отметим, что в выговском Житии Епифания трансформацию традиционных житийных мотивов – с выходом в область реалистически разработанных психологических зарисовок – наиболее отчетливо можно наблюдать в сюжете о борьбе подвижника с «мурашами», имеющем своим источником топос аскетических подвигов преподобных, подставлявших свое тело на съедение комарам (см.: Руди Т. Р. Выговское Житие инока Епифания (публикация текста). С. 515–517).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брецинский Д. Н. Житие инока Корнилия Выговского, написанное Пахомием: Исследование и тексты. Мичиган, 1976. 317 с.
2. Брецинский Д. Н. Житие Корнилия Выговского как литературный памятник и его литературные связи на Выгу // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 33. С. 127–141.
3. Буланин Д. М. Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв. (Slavistische Beiträge. Bd. 278). München, 1991. 468 с.
4. Виноград Российский, или Описание пострадавших в России за древлецерковное благочестие, написанный Симеоном Дионисиевичем (князем Мышецким). М., 1906. 134 л.
5. Водолазкин Е. Г. О «стужающих Божеству» // ТОДРЛ. СПб., 2016. Т. 64. С. 406–409.
6. Гришакевич Е. Д. О некоторых особенностях Жития Кирилла Выговского в редакции Трифона Петрова // Проблемы исторической поэтики: Актуальные аспекты. Петрозаводск, 2015. Вып. 13. С. 71–86.
7. Житие протопопа Аввакума. Житие инока Епифания. Житие боярыни Морозовой: Статьи, тексты, комментарии / Изд. подгот. Н. В. Поньрко. СПб., 1994. 240 с. (Древнерусские сказания о достопамятных людях, местах и событиях. Т. 2).
8. Лобакова И. А. Житие митрополита Филиппа: Исследование и тексты. СПб., 2006. 312 с.
9. Ольшевская Л. А., Травников С. Н. Житие Иоанна Казанского // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2000. Сб. 10. С. 360–365.
10. Панченко А. М. Топика и культурная дистанция // Историческая поэтика: Итоги и перспективы изучения. М., 1986. С. 220–260.
11. Поньрко Н. В. Кирилло-Епифаниевский житийный цикл и житийная традиция в выговской старообрядческой литературе // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 154–169.
12. Поньрко Н. В. Семен Денисов Вторушин // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1998. Вып. 3. Ч. 3. С. 332–335.
13. Поньрко Н. В. Эстетические позиции писателей выговской литературной школы // Книжные центры Древней Руси. XVII век: Разные аспекты исследования. СПб., 1994. С. 104–112.
14. Руди Т. Р. О композиции и топике житий преподобных // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 431–500.
15. Руди Т. Р. О топосе адаманта в древнерусской книжности // ТОДРЛ. СПб., 2014. Т. 63. С. 3–28.
16. Руди Т. Р. «Яко столп непоколебим» (об одном агиографическом топосе) // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55. С. 211–227.
17. Сапожникова О. С. Слово на перенесение мощей митрополита Филиппа Сергия Шелонина // Книжные центры Древней Руси: Соловецкий монастырь / Под ред. С. А. Семячко. СПб., 2001. С. 342–437.
18. Семен Денисов. История об отцах и страдальцах соловецких: Лицевой список из собрания Ф. Ф. Мазурина / Изд. подгот. Н. В. Поньрко, Е. М. Юхименко. М., 2002. 272 с.
19. Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862. 480 с.
20. Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература: В 2 т. М., 2002. Т. 1. 544 с.; Т. 2. 480 с.
21. Юхименко Е. М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития: В 2 т. М., 2008. Т. 1. 688 с.; Т. 2. 568 с.
22. Юхименко Е. М. Невежество и премудрость в интерпретации выговских писателей-старообрядцев // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55. С. 508–516.
23. Čyževský D. Zur Stilistik der altrussischen Literatur. Topik // Festschrift für Max Vasmer zum 70. Geburtstag am 28. Februar 1956. Wiesbaden, 1956. S. 105–112.
24. Hermann A. Das steinharte Herz: Zur Geschichte einer Metapher // Jahrbuch für Antike und Christentum. Jahrgang 4 (1961). Münster, 1962. S. 77–107.
25. Obermayer A. Zum Toposbegriff der modernen Literaturwissenschaft // Toposforschung / Hrsg. von Max L. Baeumer. Darmstadt, 1973. S. 252–267 (Wege der Forschung. Bd. 395).

Tatiana R. Rudi, PhD in Philology, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)
Evgeni G. Vodolazkin, Doctor of Philology, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)

THE HISTORY OF LITERARY TOPIC: THE OLD BELIEVERS' TRADITION

Literary topic, one of the most significant elements of medieval poetics, is the most important characteristic of the literature of Ancient Rus'. The article deals with the problems of the study of literary topic through the texts of the Old Believer literature, in particular, the writings of the Vyg literary school. The work examines some hagiographic formulas (*strong adamant, unshakable pillar*) and traditional motifs of monastic vita (birth of a hero from pious parents, secret departure from home, initial refusal to take the tonsure because of the young age, etc.). The material for the study comprised Simeon Denisov's *The Russian Vineyard* and *The Story of the Fathers and Sufferers of Solovki*, as well as *The Life of Cornelius of the Vyg*, *The Life of Cyril Sunaretsky*, *The Vyg Life of Epiphanius the Monk* and other works of the Old Believers. The study showed that in their hagiographic work the Vyg scribes relied on the system of traditional vita themes, developing it in accordance with new literary tasks.

Keywords: Old Russian literature, literary topic, topos, motif, canon, literary formula, hagiography, vita, Old Believers, Vyg literary school

Cite this article as: Rudi T. R., Vodolazkin E. G. The history of literary topic: the Old Believers' tradition. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 6 (183). P. 92–99. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.377

REFERENCES

1. Breshchinskiy D. N. The Life of the Monk Cornelius of the Vyg written by Pachomius: Research and texts. Michigan, 1976. 317 p. (In Russ.)
2. Breshchinskiy D. N. The Life of Cornelius of the Vyg as a literary work and its literary relations in the Vyg. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Leningrad, 1977. Vol. 33. P. 127–141. (In Russ.)
3. Bulanin D. M. Ancient traditions in Old Russian literature of the XI–XVI centuries (Slavistische Beiträge. Bd. 278). München, 1991. 468 p. (In Russ.)
4. The Russian Vineyard or The Story of Those who Suffered for the Old Church Piety written by Simeon Dionisieovich (Prince Myshetsky). Moscow, 1906. 134 f. (In Russ.)
5. Vodolazkin E. G. About those who “pester the God”. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. St. Petersburg, 2016. Vol. 64. P. 406–409. (In Russ.)
6. Grishkevich E. D. Some features of *The Life of Cyril of the Vyg* in the version of Trifon Petrov. *Problemy istoricheskoy poetiki: Aktual'nye aspekty*. Petrozavodsk, 2015. Issue 13. P. 71–86. (In Russ.)
7. The Life of Archpriest Avvakum. The Life of Epiphanius the Monk. The Life of Boyarynia Morozova: Articles, texts, commentaries. (N. V. Ponyrko, Ed.). St. Petersburg, 1994. 240 p. (In Russ.)
8. Lobakova I. A. The Life of Metropolitan Philip: Research and texts. St. Petersburg, 2006. 312 p. (In Russ.)
9. Ol'shevskaya L. A., Travnikov S. N. The Life of Ioann Kazansky. *Germenevika drevnerusskoy literatury*. Moscow, 2000. Issue 10. P. 360–365. (In Russ.)
10. Panchenko A. M. Topic and cultural distance. *Istoricheskaya poetika: Itogi i perspektivy izucheniya*. Moscow, 1986. P. 220–260. (In Russ.)
11. Ponyrko N. V. Kirillo-Epifanievsky hagiographic cycle and hagiographic tradition in the Old Believer literature of the Vyg. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Leningrad, 1974. Vol. 29. P. 154–169. (In Russ.)
12. Ponyrko N. V. Simeon Denisov Vtorushin. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi*. St. Petersburg, 1998. Issue 3. Part 3. P. 332–335. (In Russ.)
13. Ponyrko N. V. Aesthetic positions of the writers of the Vyg literary school. *Knizhnye tseny Drevney Rusi. XVII vek: Raznye aspekty issledovaniya*. St. Petersburg, 1994. P. 104–112. (In Russ.)
14. Rudi T. R. The composition and topic of the lives of reverend saints. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. St. Petersburg, 2006. Vol. 57. P. 431–500. (In Russ.)
15. Rudi T. R. The topos of adamant in Old Russian literature. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. St. Petersburg, 2014. Vol. 63. P. 3–28. (In Russ.)
16. Rudi T. R. “Steadfast like a pillar” (on one hagiographic topos). *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. St. Petersburg, 2004. Vol. 55. P. 211–227. (In Russ.)
17. Sapozhnikova O. S. Speech by Sergius Shelonin on the transfer of relics of Metropolitan Philip. *Knizhnye tseny Drevney Rusi: Solovetskiy monastyr'*. St. Petersburg, 2001. P. 342–437. (In Russ.)
18. Simeon Denisov. The Story of the Fathers and Sufferers of Solovki. Illuminated manuscript from the collection of F. F. Mazurin. (N. V. Ponyrko, E. M. Yukhimenko, Eds.). Moscow, 2002. 272 p. (In Russ.)
19. Filippov I. The history of the Vyg Old Believer Community. St. Petersburg, 1862. 480 p. (In Russ.)
20. Yukhimenko E. M. The Vyg Old Believer Community. Spiritual life and literature. In 2 vols. Moscow, 2002. Vol. 1. 544 p.; Vol. 2. 480 p. (In Russ.)
21. Yukhimenko E. M. The literary heritage of the Vyg Old Believer's Community. In 2 vols. Moscow, 2008. Vol. 1. 688 p.; Vol. 2. 568 p. (In Russ.)
22. Yukhimenko E. M. Ignorance and wisdom in the Vyg Old Believer writers' interpretation. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. St. Petersburg, 2004. Vol. 55. P. 508–516. (In Russ.)
23. Čyževskij D. Zur Stilistik der altrussischen Literatur. *Topik. Festschrift für Max Vasmer zum 70. Geburtstag am 28. Februar 1956*. Wiesbaden, 1956. S. 105–112.
24. Hermann A. Das steinharte Herz: Zur Geschichte einer Metapher. *Jahrbuch für Antike und Christentum*. Jahrgang 4 (1961). Münster, 1962. S. 77–107.
25. Obermayer A. Zum Toposbegriff der modernen Literaturwissenschaft. *Toposforschung*. Hrsg. von Max L. Baeumer. Darmstadt, 1973. S. 252–267 (Wege der Forschung. Bd. 395).

Received: 13 June, 2019